

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2013 г. К.Г. КРАСУХИН

**НОВЫЕ РУКОВОДСТВА ПО ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ**

Статья посвящена выходу учебника Л.Г. Герценберга «Краткое введение в индоевропеистику» и переизданию широко известных пособий Р.С.П. Бекеса и М. Майер-Брюггера. Автор уделяет особое внимание изложению аксиом сравнительного языкознания, а также спорных вопросов, прежде всего ларингальной теории, реконструкции рядов переднеязычных согласных, аблаутным и акцентным парадигмам имен и глаголов. Рассмотрен вопрос о способах изложения этого материала учащимся.

Ключевые слова: учебные пособия, индоевропейское языкознание, реконструкция, ларингалы, аблаут, акцент

The new handbook of Leonarg Herzenberg «Brief introduction in Indo-European linguistics», and also the second editions of the books of Robert S.P. Beekes and Michael Meier-Brügger, are reviewed. Author pays a special attention to the exposition of axioms of comparative linguistics, as well as to the disputable question of Indo-European linguistics: the laryngeal theory, the quantity of rows of velar stops, and the Ablaut and accent nominal and verbal paradigms. The manner of presentation of these materials to the students is investigated.

Keywords: handbooks, Indo-European linguistics, reconstruction, laryngeals, Ablaut, accent

Памяти выдающегося ираниста
и индоевропеиста Л.Г. Герценбер-
га (1934–2012) посвящается

За прошедшие три года произошло несколько важных событий в индоевропейском языкознании. Опубликован учебник Л.Г. Герценберга [Герценберг 2010], вторым изданием вышла известная книга Р.С.П. Бекеса [Beekes 2011; первое издание – 1995], девятым – учебник М. Майер-Брюггера [Meier-Brügger 2010; первое издание – 1998]. В 90-е гг. XX века учебники Бекеса и Майер-Брюггера не были своевременно отрецензированы, что дает нам право откликнуться на их переиздание. Наша цель – дать ответ на два важных вопроса: 1) что представляет собой и какой видится современная индоевропейская лингвистика¹; 2) надо ли преподавать ее основы?

¹ Об актуальности вопроса свидетельствует рецензия [Бурлак, Живлов, Иткин 2010] на сборник [Rasmussen, Olander 2009]. После краткого и неточного пересказа включенных в него статей авторы делают вывод (никак не вытекающий из их изложения) о том, что «современная индоевропеистика очень отстаёт от синхронной лингвистики в исследовании семантики, словообразования и синтаксиса». Во-первых, авторы никак не обосновывают свое решительное заявление. Во-вторых, на основании одной книги его и сделать невозможно, учитывая, что большинство статей в ней были посвящены иным темам. Целесообразнее было бы обратиться к работам, трак-

В рецензируемых работах много общего. Можно считать, что они относятся к единой научной парадигме, что также позволяет рассматривать их вместе. Но, конечно, они не повторяют друг друга. Так, Бекес начинает с довольно подробного обзора истории сравнительного языкознания начиная со Средневековья и Возрождения (с. 13–17). Можно лишь сожалеть, что автор не упоминает трудов Ф. Сассети, который первым познакомил европейцев с санскритом, Михаила Литвина, приведшего 76 удивительно точных лексических соответствий латыни и литовского, и Юрия Крыжанича, создавшего в XVII в. по сути первую сравнительную грамматику славянских языков. Но при этом Бекес приводит достаточно небанальные сведения, которых нет в стандартных учебниках по истории языкознания. Лейденский языковед Маркус ван Боксхорн (1602–1653) уже в середине XVII в. предполагал, что латынь, древнегреческий, славянские, германские, балтийские и славянские языки, а также персидский и санскрит происходят из одного источника, который он назвал «скифским». Он отмечал, что только регулярные соответствия в сравниваемых языках, в частности в морфологии, доказывают их родство. А в 1767 г. французский священник Кёрду (Cœrdoux) в работе, опубликованной только в 1808 г., представил довольно последовательное и в общем довольно точное описание системы соответствий санскрита, древнегреческого и латыни. Это нисколько не отменяет заслуг Боппа, но, как говорили римляне, fuerunt ante Homerum poetae («были поэты и раньше Гомера»). Некоторые лингвисты и до Боппа не просто говорили о родстве языков (таких было не так уж мало), но старались строго сформулировать это положение. Основное достижение Боппа состоит в том, что он, пытаясь реконструировать грамматическую структуру индоевропейского праязыка, наиболее последовательно провел сопоставление флексий сравниваемых языков.

В книге М. Майер-Брюггера обзор истории науки значительно более краток. Но в нем с подробной библиографией дано решение терминологического вопроса: кто создал термин «индоевропейские языки» (с. 11). В примечании к русскому переводу книги Б. Дельбрюка «Введение в науку о языке» С.К. Булич указывает на Ю. Клапрота [Klaproth 1823], первым употребившим этот термин в литературе, замечая при этом: «Ничто не говорит о том, что именно Клапрот является создателем этого термина» [Булич 1904: 2]. Авторы, на которых ссылается Майер-Брюггер, указывают на датского географа Конрада Мальте-Бруна (1775–1826), первым заговорившего о *langues indogermaniques* в первом выпуске своего многотомного атласа «*Precis géographique universelle*» (1810). Он относил сюда санскрит, персидский (с авестийским), «греческие» (т.е. собственно греческий и латынь, которую в соответствии с античной традицией считал происходящей из эолийского диалекта), германские и славянские языки. Термин же «Indoeuropean» (в слитном написании) впервые ввел выдающийся английский физик и лингвист Томас Юнг² в большой рецензии (1813 г.) на известный труд К. Аделунга «*Mithridates, oder allgemeine Sprachkunde*» (1801–1809). Он полагал, что в эту семью относятся, помимо указанных выше, кельтские языки, а также семитские, баскский, этрусский. Как указывает К. Кёрнер [Koerner 1981], в XIX в. шла борьба между двумя терминами: Ф. Бопп в своей сравнительной грамматике использовал вариант «*indoeuropäisch*», А.Ф. Потт в своем словаре – «*indogermanisch*». В немецкоязычной литературе последний используется в Германии, первый – за ее пределами. По мнению же Ф. Шапино [Shapiro 1981], К. Мальте-Брун, будучи географом, а не лингвистом, едва ли мог сам изобрести подобный термин. Скорее всего, он позаимствовал и упростил название этой семьи из ранней работы Ю. Клапрота, опубликованной в «*Archiv für asia-*

тующим именно семантику, словообразование и синтаксис индоевропейских языков, к примеру, [Anttila 2003; García Ramon (ed.) 2002; Hettrich (ed.) 2002; Clackson, Olsen (eds) 2004]. В-третьих, компаративистика имеет дело не с текстом, а с реконструкцией, поэтому в названных областях всегда будет отставать от синхронного языкознания.

² Фамилия Young транскрибировалась по-русски в XIX в. именно так. Исследования Юнга по природе света вошли в учебники физики с этого времени, поэтому мы оставляем старое написание, не переходя на фонетически более точное *Янг*.

tische Literatur, Geschichte und Sprachkunde» (1810), где указанная семья поименована «Indisch-Medisch-Sclavisch-Germanische». Если это так, то предтечей интересующего нас термина был все-таки Клапрот. Возможно, учащимся нет необходимости рассказывать историю этого термина в таких подробностях, оставив ее для особого курса «История индоевропейского языкознания».

Л.Г. Герценберг излагает историю индоевропейского языкознания после фонетики и морфологии; на наш взгляд, предпочтительнее следовать традиции, которой придерживаются не только Бекес и Майер-Брюггер, но и большинство авторов учебников и обобщающих работ, т.е. после определения предмета науки. То же относится к информации об индоевропейских языковых группах, – ее целесообразно давать в начале, тогда как в книге Герценберга она изложена в предпоследнем разделе. Из предшественников сравнительного языкознания Герценберг называет Сократа, Данте, Р. Бэкона, далее голландского ученого XVII в. Адриана ван Схрика, ван Боксхорна, также Клода Сомеза (1588), шведского ученого Егера. Интересно терминологическое уточнение (с. 140): ван Схрик и ван Боксхорн именовали гипотетический праязык «скифским»; о скифах как предках европейских народов писали еще Кассиодор (V в.) и Исидор Севильский (VI в.)

Важное достоинство учебника Майер-Брюггера заключается в том, что он начинается с определений сути сравнительного языкознания, даваемых на сайтах различных институтов, где преподается эта дисциплина. Приведем их в сокращении:

Предметом сравнительно-исторического языкознания являются языки, которые могут быть опознаны как родственные благодаря регулярным сходствам в окончаниях, словообразовании, синтаксисе и словарном запасе (Кёльнский университет);

Сравнительное индоевропейское языкознание (индоевропеистика) – это эмпирически-историческая, теоретически обоснованная наука. Она включает в себя исследования различных областей. С одной стороны, она стремится путем сравнения индоевропейских языков постичь язык и культуру общего предка этих языков – индоевропейского. И здесь на первом плане стоит грамматическая система этого праязыка и ее изменения после <его> распада в отдельных языках. С другой стороны, индоевропеистика благодаря знанию закономерностей в упомянутых областях и изучению самых ранних документов на отдельных языках способствует лучшему пониманию исторических феноменов в языках и культурах индоевропейских народов (Мюнхенский университет).

Аналогично определяется сравнительно-историческое языкознание и в программе Вюрцбургского университета (с. 2–4). В книге Бекеса тоже даются аналогичные определения, хотя и не в начале. У Герценберга введение материала начинается со своеобразного эксперимента: предлагается восстановить прототип слов со значениями ‘брат, бровь, береза’. Внутренняя реконструкция иллюстрируется исследованием лат. *nix, nivis* ‘снег’, где на основании сравнения именных форм с глагольным *ningit, ninguit* ‘снежит’ обосновывается восстановление конечного корневого **gʷ-*. Примеры Герценберга хороши и убедительны, но оценить их может учащийся, уже владеющий основами компаративистики. Майер-Брюггер тоже приводит примеры реконструкций до изложения фонетических законов (в том числе *nix, nivis* – со ссылкой на М. Майрхофера), но его обзор индоевропейской фонологии гораздо подробнее, чем у Герценберга.

Все процитированные определения сравнительного языкознания не представляются завершенными: не прояснено понятие закономерных соответствий. Более того, указание на сходство, данное в программе Кёльнского университета, неточно. В рецензируемых книгах закономерность разъясняется через фонетические законы. У Бекеса несколько глав посвящены фонетическим, морфологическим и синтаксическим изменениям. Автор описывает основные виды фонетических изменений (собственно изменение, т.е. переход $A > B$, расщепление, слияние³, выпадение, а также менее регулярные проте-

³ В европейской и американской лингвистике приняты термины «split» и «merger»; в российском языкознании говорят о «дивергенции» и «конвергенции» [Поливанов 1968], объединяя их термином «мутация» [Якобсон 1985].

зу, метатезу, дистантную диссимиляцию, гаплоглоию, «антиципацию»), отмечая также факторы пространства и времени. В качестве формулировки предлагается следующее: «Слова в своем изменении следуют строгим правилам... Исключения объясняются и управляются своими правилами». Это совершенно справедливо. Представляется более целесообразным с самого начала определить предмет изучаемой науки. Родство языков устанавливается не по их сходству (языки и сравниваемые их фрагменты могут быть совершенно несходными!⁴), а по закономерностям в различиях фонем в сравниваемых морфемах, прежде всего словоизменительных (см. [Широков 2003: 577]).

Но дело не в отдельных способах подачи материала. Гораздо важнее то, что в представленных учебниках содержится общее мнение об основаниях науки. И действительно, из всех лингвистических специальностей именно сравнительно-историческое языкознание наиболее четко аксиоматизировало свой предмет изучения. В мире существуют группы языков, происходящих из одного источника, – они именуются родственными. Между ними существуют закономерные различия в морфемах, происходящих из общего источника, – прежде всего в словоизменительных, так как они по большей части не заимствуются. Эти закономерные различия определяются фонетическими законами. Действие фонетических законов корректируется аналогией, а также факторами пространства и времени. Эти положения были установлены в конце XIX – начале XX в., и, по-видимому, сохраняют свою актуальность навсегда.

Специальная глава книги Бекеса посвящена аналогии как фактору, ограничивающему фонетический закон, – пропорциональной аналогии и выравниванию по основе (leveling). Здесь отметим интересную идею о причинах исчезновения корневых имен в балто-славянском и их трансформации в других языках. По мнению автора, в их перестройке существенную роль сыграл аккузатив: и.-е. **p̥l̥h₃-* ‘насыпь, стена’ (> др.-инд. *pūr*), вин. п. **p̥l̥h₃-m̥* > лит. *pilī*. Затем по аналогии с именами на *-i-* корневое имя перешло в этот же класс (*pilis* ‘замок’). Это вполне возможно, но переход корневых имен в основы на *-i-* засвидетельствован и в других языках: так, уже в Ригведе, помимо гапакса *nak* ‘ночь’ (VII 71, 1), имеется и форма *nāktīs* (Nominativus pluralis, II 2,2). Так что лит. *naktis*, слав. *ношть* может соответствовать и корневой (ср. также лат. *nox*, греч. *νύξ*), и йотовой основе⁵. И корень **p̥l̥h₃-* в древнегреческом засвидетельствован только в основе на *-i-*: *πόλις*.

По мысли Бекеса, в результате сходных процессов сформировалось гот. *fotus* ‘нога’: **pōd-s*, вин. п. *pōd-m̥* > гот. *fotu*, на базе которого появился и новый им. п. *fotus*. Это значительно менее убедительно: как показывает склонение консонантных основ, и.-е. *m̥#* > 0 в готском: *baurgs* ‘крепость’, вин. п. *baurg*; ср. и иные консонантные основы: *broþar* ‘брат’, вин. п. *broþr*. В *nium* ‘девять’ < **neum̥*, но здесь соседство /u/ способствовало сохранению *-n#*. Идею о переходе корневых имен в германские основы на *-u-* под влиянием аккузатива ед. и мн. ч. предложил Ф. Шпехт [Specht 1947: 82], А. Баммесбергер [Bammesberger 1990: 198] и В. Грипентрог [Griepentrog 1995: 154–155] ссылаются на гот. *tunþus* ‘зуб’ (ср. лат. *dens*, греч. *ὀδούς*), где вин. п. *tunþu* может происходить из **h₁dént-m̥*. Особое значение придается форме дат. п. мн. ч. **fotum* (< **-m̥s*), **tunþum*.

⁴ Канонический пример: греческое *δύω* / *δύο* и армянское *erku* ‘два’ не имеют ни одной общей фонемы, но восходят к одной праформе. Нет совпадающих фонем в греч. *ὄλοξ* и др.-инд. *sárva* ‘весь, целый’, но каждый звук греческой лексики четко соответствует древнеиндийскому.

⁵ В [Wodtko et al. 2008: 509] упоминается форма род. п. мн. ч. *naktī* (наряду с *naktiū*), что может быть доказательством изначально корневой основы, ср. *žuvīs* ‘рыба’ – *žuvīū/žuvī* [Eckert 1983: 15]. Сам Р. Эккерт полагает, что перед нами *-i-*основа, что проявляется в наречии *naktije* ‘ночью’, а также в нем. *Nachtigall* ‘соловей’. Очевидно, имя **nek^u-t-/nok^u-t-* имело по крайней мере две основы уже в праиндоевропейском (корневую и на *-i-*). Попутно отметим, что, возможно, вокализм греч. *νύξ* изменился под влиянием древнеегипетской предложной конструкции *m wh* ‘в ночь’, которая на поздней стадии должна была читаться как **n uhi* и заимствовалось в *νύχα* ‘ночью’; *ἐννύχιον* διὰ τῆς νυκτός ‘то же’ (Hes.). Египетская форма особенно точно воспроизведена в гомеровском *ἄτονυχι* ‘в ту же ночь’. Основу на *-χ-* как след египетского влияния см. также в *πάννυχον*, *παννύχιος* и др. [Ернштедт 1953: 57–58].

Но вопрос о нераспространении данного склонения на другие корневые имена остается нерешенным. Грипентрог, правда, упоминает имена частей тела с основой на *-u-*, которые могли повлиять на *fotus* и *tunþus*: *handus* ‘рука’, *liþus* ‘член’, *qīþus* ‘живот’. Но в Ригведе засвидетельствовано имя *pādūs* ‘нога’ (RV X 27, 34), пофонемно совпадающее с готским и позволяющее реконструировать и.-е. **pōdūs*, не прибегая к объяснению по аналогии⁶.

Еще менее убедительна идея о том, что подобный же процесс привел к распространению тематической парадигмы в древнеиндийских глаголах и именах. По мысли Бекеса, он реконструируется так: им. п. **pód-s* > *pád* (*pāt*), вин. п. **pód-m* > *pádam* → им. п. *padam*; **é-kʰer-m* > *ákaram*; *é-kʰer-t* > *ákar akarāt*. Но дело в том, что имя *padam* означает вовсе не ‘нога’, а ‘шаг’, т.е. является тематическим производным. Распространение тематического гласного в глагольных основах – явление, характерное для всех индоевропейских языков, ср. др.-инд. *átti* ‘он ест’ – греч. *ἔδω*, лат. *edo*⁷.

Мы не случайно так подробно остановились именно на этой теме. Во-первых, действие аналогии нарушает регулярность фонетических процессов, ибо она сама по себе нерегулярна в том смысле, что аналогический процесс захватывает не все языковые единицы сходной структуры. Например, если латинский номинатив *honor* вытеснил ст.-лат. *honos* (аналогия, возникшая благодаря ротацизму в основе косвенного падежа), то имена *mōs*, *flōs* не подвержены аналогии. В силу этого при наличии альтернативы в реконструкции необходимо выбирать решения, не опирающиеся на аналогию. И, конечно, в учебнике компаративистики необходимо разъяснить читателям границы применимости аналогии. Во-вторых, и это, пожалуй, еще важнее для рецензируемых книг, изменение основы имени и глагола за последние 40 лет превратилось в одну из самых популярных тем в индоевропестике. С ним связано понятие внутренней деривации, подробно описанное во всех работах, о которых идет речь. Поэтому процессы трансформации имени и глагола должны быть рассмотрены с особой тщательностью, с учетом всех возможных факторов.

Определенное *communis opinio* наблюдается и при характеристике фонетики и морфологии. Все авторы исходят из системы консонантизма и вокализма, сложившейся в лингвистике в начале XX в. и представленной в классических работах Хирта, Мейе и Семереньи. При реконструкции системы смычных согласных признается существование трех серий (глухие, звонкие, звонкие придыхательные) и пяти рядов (губные, переднеязычные, заднеязычные – палатализованные, велярные и лабиовелярные). В языках *centum* сохраняются велярные и лабиовелярные, а палатализованные сливаются с велярными; в языках *satəm* лабиовелярные утрачивают свой лабиальный признак, сливаясь с велярными, а палатальные превращаются в переднеязычные (свистящие и шипящие). В рецензируемых учебниках эта реконструкция представлена по-разному. М. Майер-Брюггер (с. 130–131) полагает, что три ряда представлены в лувийском (*k* > *k*, *kars* ‘резать’ < **(s)ker-*; *kʰ* > *ku*, *kui* ‘кто’ < **kʰi-*; *k̂* > *z-*, *zārt-* ‘сердце’ < **~k̂ērd-*, ср. [Melchert 1994: 251]), в албанском [Pedersen 1900] и армянском [Pisani 1950]. Бекес (с. 125) излагает эту теорию более подробно. Он указывает на то, что сведения о наличии в любом засвидетельствованном языке трех рядов заднеязычных недостаточно достоверны. Вопрос о лувийских рефлексах **k/k* требует, очевидно, дальнейшего рассмотрения: не обусловлена ли палатализация в лув. *zart* влиянием следующего гласного переднего ряда? Герценберг (с. 33–36), как и Майер-Брюггер, полагает, что три ряда

⁶ Баммесбергер [Bammesberger 1990: 202] полагает, что долгота в этом корне возникла благодаря ассимиляции и выпадению первого ассимилированного звука: **pod-s* > **pos-s* > **pōs* с последующим восстановлением *-d-* по аналогии. На наш взгляд, такая реконструкция не объясняет происхождения др.-инд. *pādus* с его обобщенным долгим корневым гласным, при том что в корневом имени долгота существует только в номинативе и аккузативе единственного и двойственного числа: вед. *a-pād* ‘безногий’, *pādam*, *pādā/pādau*, но локатив *padí*, инструменталь *padā* и т.д.

⁷ В латыни в 2 и 3 л. ед. ч. представлен как атематический (*ēs*, *ēst*), так и тематический варианты (*edis*, *edit*). Они запечатлели процесс экспансии тематического спряжения.

заднеязычных присутствуют в албанском (* $\hat{k}$ > *th*, * k > *q*, * k^u > *k*), армянском (* $\hat{k}$ > *s*, * k > *k'*, * k^u > *č*) и лувийском (* $\hat{k}$ > *z*, * k > *k*, * k^u > *ku*). По его мнению, тембр вокального призвука в древнеиндийском может свидетельствовать о том, что здесь различались простой и лабиовелярный ряды заднеязычных (**grH-tó* > *gīrnás* ‘проглоченный’, **g^urH-tó* > *gūrtás* ‘желанный’). Но пример Герценберга трудно назвать убедительным. В основе др.-инд. *gar*, *gir* ‘поглощать’ лежит корень **g^uerH-* (а не **gerH*), ср. греч. βιβρώσκω, лат. *vorare* ‘пожирать’. От древнеиндийского корня *gar/gir* в значении ‘восхвалять’ известно и имя *gir* ‘хвалебная песнь’, и послеведическое причастие *gīrnás*. Вокальный призвук при слоговых сонантах часто варьируется: *tāratī*, *tīratī* ‘переводить; одолевать’ – *viśvatūr* ‘всепобеждающий’. Вообще, вокальные призвуки при слоговых сонантах часто бывают разнородными, ср. слав. *грьло/жрьло* < **gūr-dlo*/**žir-dlo* < **g^urH-dhlo-*.

Реконструкции трех рядов препятствует наличие centum-ных рефлексов в языках *satəm*. Это обстоятельство вызвало к жизни теорию двух рядов, согласно которой в праиндоевропейском имелись только велярный и лабиовелярный ряды. В.И. Георгиев [Георгиев 1932] полагал, что палатальные заднеязычные развивались в соседстве с гласными переднего ряда и переднерядными рефлексами слоговых сонантов. Бекес (с. 125) тоже считает, что эти колебания могут быть обусловлены комбинаторными условиями: наличие сонанта *U*, гласных заднего ряда и лабиовелярных способствует утере палатальности. Так, русск. *слово* < **k^hlejos* содержит палатализованный, а перед **o* он теряется: лит. *kláusti* ‘спрашивать’, *klausyti* ‘слушать’. Но условия возникновения различных рефлексов гораздо сложнее; и ц.-слав. *слюхъ* (с производными), и лит. *šlovė*, почти фонемно соответствующее имени *слава* (ср. также *šlōvinti* ‘славить’), не обнаруживают никакой депалатализации. Этой проблеме следовало бы посвятить больше места. Дело в том, что количество подобных дублетов достаточно велико (в фундаментальной статье А. Пахареса их приводится больше 100 [Pajares 1971]). Ср. только в русском языке: *свѣтъ* – *свѣтъ*, *клонить* – *при-слонить*, *город* – диалектное *зорód* ‘стог, огороженное место для стога’. Последний пример имеет впечатляющую параллель в литовском: *gārdas* ‘загородка, стойло’ – *žārdas* ‘островье, прясло’ (с тем же распределением акцентов, что и в славянском, – акут, неподвижная акцентуационная парадигма), *žařdis* (с акутом *žārdiena*) ‘загон’.

В некоторых случаях можно полагать заимствование из языка centum: слав. *камы* и лит. *akmiõ* ‘камень’ могут быть заимствованы из древнебалканского языка, из формы, близкой к греч. ἄκμων. Это отрицал О.Н. Трубачев, полагая, что само сочетание /km/ могло привести к утере заднеязычным палатализации. Но непонятно, почему этого не произошло в лит. *ašmiõ* ‘лезвие’. Идея Ф. Кортландта [Kortlandt 1978] о влиянии сонантов на депалатализацию также не вполне согласуется с фактами (ср. большой ряд производных от корня **k^herh₁-* ‘голова; рог’: др.-инд. *śīrás*, *śṅgá* и т.д.) Общеслав. **kórva*, относящееся к тому же корню, и почти полностью совпадающее с ним лит. *kárvė*, скорее всего, заимствованы из кельтского: кимр. *carw*, корн. *carow*, бретон. *caro*. Напротив, имя **sr̥bna* и др.-прусс. *sirwis* исконно (см. [Трубачев 1984: 106–112] с важной информацией о первичном одомашнивании скота). Но далеко не все дублеты могут быть объяснены как заимствования. Объяснение процесса палатализации [Георгиев 1932] упоминалось выше; Бекес его поддерживает.

Проблема осложняется тем, что возможны и колебания палатальных / лабиовелярных. Так, и.-е. **g^her-* ‘сиять, гореть’ (лит. *žarà* ‘заревое’, *žarijà* ‘пылающие угли, жар’, русск. *заря*) явно связано с **g^uher-* ‘тепло, жар’ (греч. θερμός, лат. *formus*, русск. *жар*). Можно предположить, что и упоминавшийся корень **d^heg^h-m-* ‘земля’ (‘findet keinen weiteren Anschluss’) [Wodtko et al. 2010: 89] сопоставим с **d^heg^uh-* ‘гореть’. Тогда «земля» может быть объяснена как «пожарище» — наследие эпохи огнево-подсечного земледелия.

Иногда же в одном корне могут встречаться согласные из всех трех рядов: лат. *fel* ‘желчь’, как и однокоренное русское слово, позволяет реконструировать корень **g^uhel-*, тогда как греч. χόλη – **g^hel-*. Более того, этот корень обнаруживает колебания и в славянских языках: имена *желтый*, *желна* «род дятла» демонстрирует начальное **g^h-* или

* g^{uh} -, а *зеленый, знак* – * g^h -. Довольно много таких примеров собрано в монографии О.Н. Сорокина [Сорокин 1993]⁸. Автор, привлекая большой материал, предполагает, что и палатализация, и веляризация – вторичные явления; поначалу в праиндоевропейском был только один ряд переднеязычных. Такую же точку зрения высказывали Я. Сафаревич [Safarewicz 1945], Ю.В. Откупщиков [Откупщиков 1988], А.А. Кретов [Кретов 2009]. В этой связи следует отметить взвешенную позицию И.М. Тронского [Тронский 1967: 57], отмечавшего, что здесь надо различать праязык в ближней и дальней реконструкции. В ближней перспективе следует реконструировать три ряда, в дальней – два или даже один. Отметим также мнение Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова о палатальном ряде заднеязычных как наиболее маркированном и, следовательно, наименее устойчивом. Поэтому он изменяется чаще всего: либо депалатализуется, либо превращается в переднеязычные сибиланты и аффрикаты [Гамкрелидзе, Иванов 1984].

Таким образом, вопрос о рядах заднеязычных не столь явно разрешен, как может показаться читателю рецензируемых книг. В пособии по индоевропеистике необходимо суммировать весь разброс мнений. Тем более, что, как можно убедиться из вышеприведенных примеров, в этимологическое сравнение оказываются вовлечены корни и слова, значимые для реконструкции индоевропейской культуры⁹.

То же можно сказать и о ларингальной теории. В настоящее время наиболее популярна реконструкция трех ларингалов, представленная в рецензируемых пособиях. Бекес полагает, что h_1 мог быть глоттальным смычным (? , аналогичный арабскому), h_2 – фарингальным, способствующим понижению гласного ($e > a$), h_3 – огубленным фарингальным, придающим огубленность и гласному. Но, конечно, их истинный фонетический облик остается неясным (с. 147). По Майер-Брюггеру (с. 106–107), первый ларингал был фонетически немаркированным, второй – спирантом, третий – звонким огубленным. Гамкрелидзе и Иванов связали их с тремя рядами заднеязычных: h_1 – палатальный, h_2 – велярный, h_3 – лабиовелярный. В принципе, такую картину можно найти и в монографиях, специально посвященных ларингальной теории [Lindeman 1997: 19]: h_1 – нейтральный звук [x°], h_2 – «близкий к a (a -colouring) [x^a], h_3 – «близкий к o (o -colouring) [x^o]». Это, так сказать, консенсус, который принят и Бекесом, и Майер-Брюггером. Поэтому все разногласия в артикуляционных характеристиках ларингалов носят скорее терминологический характер, тем более, что установить их точно пока не представляется возможным.

Линдеман также упоминает о том, что некоторые исследователи рассматривали ларингал как вокальный звук [Lindeman 1997: 34]. Думается, этот вопрос заслуживает специального рассмотрения. Дело в том, что ларингал, по всеобщему признанию, в позиции между согласными приобретает слоговой характер. В фундаментальном исследовании [Bell 1978: 183] утверждается: если в языке имеются слоговые ларингалы, то в языке должны иметься и слоговые фрикативные согласные (что иллюстрируется, правда, только языками салиш в Британской Колумбии). В индоевропейских языках слоговыми могут быть только сонанты. Возможно, типология слоговых согласных еще не завершена; так называемые «ларингалы» могли иметь и иные акустические характеристики. В последней по времени большой индоевропейской грамматике [Adrados, Bernabe, Mendoza 1995] предполагается наличие шести ларингалов: по три палатальных и велярных. По мнению авторов, в интервокальной позиции некоторые из них превращались в $-u-$, $-i-$ (не вполне ясно, при каких условиях это происходило вместо обычного выпадения).

⁸ Эта посмертно изданная работа осталась неизвестной не только зарубежным, но, судя по всему, и отечественным индоевропеистам; мне не доводилось встречать ссылок на нее. Она, однако, заслуживает внимания как один из самых подробных и аргументированных обзоров данной проблемы. Автор предложил чрезвычайно интересную и хорошо обоснованную реконструкцию заднеязычных.

⁹ Так, сравнивая о-слав. **korva* и **srъna*, мы можем предположить заимствование скотоводства славянами от кельтов; этимология *земли* сохраняет память о древнейшем способе возделывания земли.

Такие корни, как **leh₂-i-* ‘желать’, **kei-* ‘лежать’, должны восстанавливаться как **leH₁-*, **keH₃-*, а **(s)neh₂-u-* ‘плыть’, **ie_u-* ‘связывать’ – как **sneH₂-*, **ieH₃-* [Ibid.: 370], что не выглядит вероятным¹⁰. Некоторые ученые вообще не признают ларингальную теорию. Э.А. Макаев [Макаев 1970] и В. Маньчак [Mańczak 1995] полагают, что все аргументы ларингальной теории имеют иное объяснение. По их мнению, исчезновение целого класса фонем маловероятно. Возражая на это, Е. Курилович [Kuryłowicz 1971: 123] отметил, что в аккадском языке произошел именно подобный процесс. Попутно отметим концепцию Л.Г. Герценберга, который предложил интереснейшую реконструкцию ларингалов не как самостоятельных фонем, а как характеристики одного из видов удара – ларингализированного [Герценберг 1981]. В рецензируемом же «Введении» Л.Г. Герценберг признает существование трех ларингалов, но упоминает, что индоевропейское *schwa* могло быть рефлексом особого прерывистого акцента. Постулированное различие двух типов удара (прерывистого и ровного), по мнению исследователя, объясняет развитие придыхательной серии. Автор допускает языковое состояние с противопоставлением только звонких и глухих согласных, тогда как придыхательность развивалась при соседстве с определенным типом удара.

Если представление о том, что ларингалов было больше трех, могут считаться своего рода курьезом, то теории одного, двух ларингалов, а также опровергающие их существование, заслуживают более внимательного рассмотрения.

Перейдем теперь к реконструкции серий согласных. Авторы придерживаются традиционной нотации: глухая, звонкая и звонкая придыхательная серии. Майер-Брюггер указывает на основные соответствия и важнейшие фонетические законы. Он дает обширную библиографию, где рассматривается «глоттальная теория», резюмируя, что спорные вопросы здесь нужно не решать, следовательно, опираться на нее в учебном пособии нельзя (с. 126). У Герценберга она изложена очень кратко, с упоминанием главным образом идей Ф. Кортландта: глухие согласные суть сильные, звонкие – слабые, звонкие придыхательные – слабые с придыхательным призвуком (с. 31). Такое изложение лучше дать студенту, имеющему уже некоторое представление об изучаемом предмете. Бекес же указывает, что традиционная нотация не выглядит типологически достоверно: как правило, звонкая придыхательная серия предусматривает наличие глухой придыхательной, как это обстоит в древнеиндийском. При этом глухие придыхательные в санскрите вторичны, не могут быть проецированы на праязыковой уровень. Таким образом, решение, предложенное в классической работе Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, выглядит, по мнению Бекеса, более убедительным (с. 128). Тем не менее, на их нотацию (вместо *p*, *b*, *b^h* – *p^{hl}*, *p[‘]*, *b^{hl}*) он не переходит. Думается, что в этом проявляется не только консерватизм. Глоттальная теория действительно оставляет много пока не разрешенных вопросов. Во-первых, не совсем ясен статус факультативной придыхательности. В германских и армянском она превращается в облигаторную при глухих, полностью исчезает при звонких, а в древнеиндийском – наоборот. Во-вторых, что еще более важно, глоттальная теория в том виде, в каком она представлена в [Гамкрелидзе, Иванов 1984], представляет собой «переписывание» традиционной реконструкции скорее на типологической, а не на сравнительно-исторической основе. Для того, чтобы глоттальная теория стала фактом именно индоевропейской реконструкции, надо, чтобы она объясняла факты, необъяснимые из традиционной реконструкции. Представляется, что на такую роль может претендовать именно закон Бартоломэ (на что первым обратил внимание О.С. Широков [Широков 1981]). Пока же мы можем констатировать, что глоттальная теория еще не стала завершенной парадигмой, способной во всем конкурировать с традиционной реконструкцией согласных. Тем не менее, она, конечно, заслуживает упоминания в любом учебнике по индоевропеистике.

¹⁰ Отметим позицию Ф.О. Линдемана [Lindeman 1997], который начинает свою книгу с рассмотрения трех ларингалов [Ibid.: 25], затем высказывает предположение о шести ларингалах: трех звонких и трех глухих. По мнению исследователя, звонкий *H₁* отражается в хеттском как *h-*, *-h-*, глухие *H₂*, *H₃* – как *h-*, *-hh-*, остальные – как 0 [Ibid.: 183–185].

Наконец, следовало бы сказать и о теориях, получивших меньшую известность, чем глоттальная. Так, А. Эрхарт [Erhart 1962; 1970] еще в 60-е гг. обратил внимание на колебание придыхательных и простых согласных (др.-инд. *bhrājate* – *bhrās* ‘блестеть’). Он предположил, что в праиндоевропейском признак придыхательности был факультативным, связанным с соседством ларингала. В свое время о лабильности признаков серий писал Г. Хирт [Hirt 1927]. Надо ли учитывать такие альтернативные реконструкции? Наверное, все-таки упомянуть об этом необходимо. Если предположить, что праиндоевропейский был когда-то языком изолирующего строя (наиболее подробно это обосновано в [Клычков 1989]), то все упомянутые вариации отражают процесс распада праязыковых силлабем. Конечно, такая тема может показаться сложной для вводного пособия. Ее, однако, целесообразно изложить в конце, в лекции, подводящей итоги и намечающей перспективы развития индоевропеистики. Там можно охарактеризовать гипотетический строй праиндоевропейского и связать его основные черты с особенностями фонетики и акцентологии, изложенными выше.

Авторы придают большое значение аблауту, поэтому они признают силовой характер индоевропейского акцента. Майер-Брюггер вообще на этом вопросе специально не останавливается, а просто описывает основные проявления: подвижный акцент в древнегреческом и древнеиндийском, его следы в германском (по закону Вернера), соответствие литовской неподвижной парадигмы греко-санскритской баритонезе, подвижной – окситонезе; начальное ударение в ранней латыни (с. 151–159). У Бекеса же есть специальный параграф «Праиндоевропейский как тоновой язык?» (с. 159). Здесь в качестве следов этого явления упоминаются: ударные / безударные частицы в ведическом и их способность образовывать комплексы (это может быть объяснено разными тональными характеристиками клитик); рассматриваются «правило Дыбо» в балто-славянском (постановка словесного акцента на самой левой доминантной морфеме); ограничения на звонкость и придыхательность в корне (в одном корне не могут сочетаться два простых звонких, а также глухой со звонким придыхательным). Надо сказать, что двойственный характер индоевропейского ударения отмечал еще Ф.Ф. Фортунатов. О его силовом характере свидетельствует количественный аблаут; о тоновом характере – открытые самим Фортунатовым (и одновременно Ф. де Соссюром) соответствия между балто-славянским акутом и греко-санскритскими долготами, циркумфлексом – и краткостью. Очевидно, тон характеризовал каждый слог индоевропейского слова вне зависимости от места иктуса, а подвижное силовое ударение было отличительной чертой словоформы в целом. Его место зависело от словообразовательных характеристик и грамматического значения слова. Замечу в этой связи, что многие лингвисты Лейденского университета [Kortlandt 1975; Lubotsky 1988¹¹] развивают теорию тонового праиндоевропейского акцента.

В области вокализма внимания заслуживает раздел в учебнике Бекеса «Отсутствие праиндоевропейского *a*» (с. 141). Автор указывает на то, что существует довольно мало примеров, позволяющих надежно реконструировать эту фонему в праязыке; там же, где она присутствует, ее можно объяснить либо воздействием ларингала (**h₂eg-* > греч. *ἄγω*, лат. *ago*, ср. *gero* < **h₂ges-*), либо особенностями лексики (экспрессивно-пейоративной – др.-инд. *kakhati* ‘смеяться’, греч. *βάρβαρος*). Греч. *κάπρος* ‘козел’, лат. *faba* ‘боб’, по мнению автора, появляются в отдельных языках на поздней стадии¹². Понимая типологическую недостоверность вокальной системы без фонемы <*a*>, автор полагает, что **e* могло звучать как [æ], **o* – как [ʌ], т.е. иметь более низкий подъем.

¹¹ Диссертация А.М. Лубоцкого была защищена под руководством самого Р.С.П. Бекеса.

¹² Эта часть умозаключения представляется спорной. Греч. *κάπρος* безукоризненно соответствует лат. *caper*, лат. *faba* – русск. *боб*, др.-прусс. *babo*. Конечно, дальнейшая история этих лексем не вполне ясна: насколько имя козла родственно лат. *aper* ‘вепрь’? Каково родство латинского и славянского имени с общегерманским **bōn* (нем. *Bohne*, англ. *bean*) и греч. *φακός* ‘чечевица’? Вопрос, очевидно, нуждается в дальнейших исследованиях.

В отечественной лингвистике такие решения предлагались И.М. Тронским [Тронский 1967: 65–67], О.С. Широковым [Широков 1981].

Бекес специальный параграф посвящает закону Клуге, о котором другие авторы не упоминают. Это относится не только к рецензируемым руководствам: в обоих изданиях известной книги [Collinge 1985; 1997] нет соответствующего раздела; не упоминается он и в других пособиях по индоевропеистике и сравнительной германистике. Формулируется этот закон так. Сочетание смычных с **n* в прагерманском преобразуется в двойной согласный, если следующий слог ударен; геминаты сокращаются после долгих гласных и дифтонгов. Ср.: англ. *bottom* – греч. *πυθμήν*, др.-инд. *budhná* ‘дно’ (прагерм. **budmen*/**buttaz*), но гот. *hweits*, англ. *white* – др.-инд. *śvītna*, *śvetá* ‘белый’¹³. Как и закон Вернера, закон Клуге может помочь в реконструкции прагерманского ударения.

В области морфологии все авторы поддерживают реконструкцию, которая приобрела большую популярность благодаря работам выдающегося индоевропеиста Йохема Шиндлера (1944–1994) и его преподавательской деятельности в университетах Вюрцбурга, Сорбонны, Гарварда и Вены¹⁴. Согласно Шиндлеру, атематические имена можно классифицировать в зависимости от акцентуации «сильных» (номинатива, аккузатива, отчасти локатива) и «слабых» (генитива и датива) падежей. Обычно в корневых именах ударение стоит на основе в «сильных» падежах и окончании – в «слабых». Этим они существенно отличаются от тематических имен с фиксированным ударением. Но Шиндлер и его единомышленники [Schindler 1967; 1972; 1975; Eichner 1973] предложили более подробную классификацию. Атематические имена подразделяются на акростатические с неподвижным ударением (ступень корня *o* в «сильных» падежах, *e* – в «слабых»); протеродинамические с перемещением ударения с корня на суффикс, гистерокинетические с перемещением ударения с суффикса на флексию, голокинетические (амфикинетические) с перемещением ударения с корня на флексию¹⁵. Впоследствии Шиндлер высказал предположение о существовании акростатических имен с продленной ступенью корня в «сильных» падежах и полной – в «слабых» (*ē/ě*). Также последователи этой теории (названной Эрлангенской школой) исследуют переход имен из одного класса в другой. Это так называемая внутренняя деривация – с изменением акцентуации и апофонии основы (по аналогии с внутренней флексией). Наиболее подробная монография на эту тему – [Widmer 2004].

Следует отметить несколько вариаций той же теории. М. Майер-Брюггер указывает на работу [Beekes 1985] и [Tremblay 1996], где предложены дополнения к классической модели Шиндлера. По мнению Бекеса, существует апофония следующего вида: номинатив *KéK-K-s* – аккузатив *KKéK- m* – генитив *KK(K)ós*. К. Трембле восстанавливал для имен с суффиксом *-ōs* и *-tór* особый аблаут: номинатив *Kek-ōs*, *Kek-tór* – генитив *Kék-s-s*, *Kék-tr-*. Майер-Брюггер оценивает эти гипотезы сдержанно, вторую считает вообще неправдоподобной, справедливо отмечая, что в слабых падежах ударение никогда не движется влево. Теория же Бекеса развивалась его учениками [Lubotsky 1988; Kloekhorst 2010]; в настоящее время она характеризует Лейденскую школу акцентологии как вариант Эрлангенской. Поэтому скажем о ней несколько слов. С помощью идеи о перемещении акцента в аккузативе лейденцы пытаются объяснить некоторые аномальные типы склонения. Итак (переходим на нотацию Бекеса), исконная форма номинатива *CéC-R* (1) переходит в *CéC-ōR* (2), затем в *C(e)C-ōR* (3), затем в *CC-ēr* (4). Соответствен-

¹³ Сам Фридрих Клуге [Kluge 1913: 78] в своей позднейшей работе сформулировал его в виде предположения о том, что развитие и падение геминат (из сочетания смычного с назальным) связано с акцентологией.

¹⁴ Первые наброски этой теории появились в книгах [Pedersen 1926; Kuiper 1943]. М. Майер-Брюггер также отмечает семинар в Эрлангенском университете, организованный в 1964 г. Карлом Хофманом. Поэтому школа, развивающая теорию, изложенную ниже, названа Эрлангенской.

¹⁵ Говоря точно, амфикинетическими можно именовать только суффиксальные имена, где акцент не падает на суффикс. Корневые имена с подвижным акцентом лучше называть просто кинетическими. Как мы убедимся, передвижение ударения характеризует все атематические корневые имена.

но, генитив всюду имеет вид *CC-R-ós* (в подтипе 3 – *C(e)CR-ós*), аккузатив – *CCéR-m* (в подтипе 3 – *C(e)C-oR-m*). Подтип 1 соответствует гот. *bandi* ‘связка’, подтип 2 – и.-е. *dhééh-om* ‘земля’, подтип 3 – греч. *δῶτωρ* ‘даритель’, подтип 4 – и.-е. **ph₂-tér* ‘отец’. С помощью такой метатезы Бекес объясняет колебания **ġ^héi-ōm* (авест. *ziiā°* ‘зима’) – **ġ^hiōn* (греч. *χιών* ‘снег’, лат. *hiems* ‘зима’), **uek-ont-* (греч. *ἐκών*) – **uk-ont-*, род. п. **uk-nt-ós* (др.-инд. *uśān*, *uśatāh* ‘желающий’). Так же объясняется разница хетт. *tekan* (**d^héġ^hōm*; в действительности **d^héġ^h-m*) – греч. *χθών* (**d^hġ^hōm*). От этих типов резко отличается статическое спряжение, которое может характеризовать не только корневые, но и суффиксальные имена. Так Бекес объясняет своеобразный генитив древнеиндийских имен на *-tar-*: *patúr* ‘отца’, *mātúr* ‘матери’ (*-tur* < **-trs*): им. п. **méh₂-tr* – род. п. **méh₂-trs*. В принципе, к аргументам Бекеса и его последователей можно прибавить еще один. К. Боргстрём [Borgström 1954: 31] отмечал, что корневые имена с корнем структуры ССС имеют основу *CC^e/C-* (состояние II по Бенвенисту). Ср. др.-инд. *tvác* ‘шкура’, греч. *πρόξ* ‘олень’, *χιών* ‘снег’, лат. *hiems* ‘зима; буря’. Конечно, правило это отнюдь не абсолютно, ср. греч. *σκόιψ* *ψωρά* ‘парша, кожная болезнь’, *δόρξ* ‘газель’, а также аккузатив *ὥλκα* (< *ῥωλκα*, II. XIII 707; Od. XVIII 375) ‘борозду’. Но тенденция существует, и ее можно было бы объяснить с позиции Лейденской школы. Однако ряд пунктов вызывает возражение. Прежде всего, ни в одном языке не сохранилось и следов парадигмы, где бы аккузатив акцентом и аблаутом отличался от номинатива. Примеры, приводимые Бекесом, могут иметь и иное объяснение. Так, *tekan* – имя среднего рода, тогда как *χθών* и *kṣām* – женского¹⁶. Следовательно, перед нами именно то, что именуется внутренней деривацией, вполне сопоставимое с лат. *sēmen* < **seh₁-m_ṇ* ‘зерно’ – *Semō* (*ōnis*) < **seh₁-mon-s* ‘бог посевов’. Как справедливо отмечал П. Видмер [Widmer 2004: 35], одно из грамматических значений внутренней деривации – образование имен одушевленного рода. Баритонные имена типа *δῶτωρ* – результат относительно позднего развития, когда разные аблаутные варианты суффиксов приобрели разное значение. Эволюция основы **d^héġ^hm* → **d^hġ^hōm* (*-oms*) показывает механизм внутренней деривации: правосторонний акцентный сдвиг¹⁷.

Не вполне убедительно объяснение древнеиндийского генитива **-trs* > *-tur*. Прежде всего отметим, что акцентуация имени **meh₂tēr* не единообразна. В греческом (*μήτηρ*) и литовском (*mótė* ‘жена; мать’, *móteris*, *mótina* ‘мать’, – все 1 акцентуационная парадигма) оно бесспорно баритонно, тогда как др.-инд. *mātā* демонстрирует окситонезу. Др.-в. нем. *muoter*, др.-англ. *moðor* по закону Вернера тоже указывают на суффиксальное ударение (прагерм. **mōder* < **mātēr-*). Понимая эти сложности, К. Трембле и предложил свой вариант реконструкции с рецессией акцента в слабых падежах: им. п. **meh₂-tēr* (*-tēr-s*) – род. п. **méh₂-tr-s*. Не вполне понятна апофония такого имени (в реконструкции Трембле): полная ступень корня и суффикса в сильных падежах. Вышеприведенное возражение Майер-Брюггера против этой гипотезы весьма основательно. Л.Г. Герценберг оценивает теорию внутренней деривации чрезвычайно высоко, считая ее «последним по времени крупным открытием в области индоевропеистики». По его мнению, она «конгруэнтна» акцентологической реконструкции В.А. Дыбо для балто-славянского, о которой мы упоминали выше (постановка иктуса на самой левой доминантной морфеме). Но выводы В.А. Дыбо касаются всех грамматических форм слов только в балто-славянском. В праиндоевропейском же, судя по совокупным данным греко-арийского, а также отрывочным сведениям из прагерманской и анатолийской акцентуации, ударение в тематическом склонении оставалось неподвижным, в корневых именах было подвиж-

¹⁶ Попутно отметим, что авестийское *ziiā°* (чаще *zyā°*) не дает основания для реконструкции дифтонга в корне. Это обычная именная основа с 0 ступенью корня и полной суффикса, с передвижением акцента в «слабых» падежах (род. п. *zəmo*), почти пофонемно совпадающая и с греч. *χιών*, и с лат. *hiems*.

¹⁷ Готское *bandi* вообще не относится к именам с подвижным акцентом. Это стандартное имя с основой на *-jō-* (и.-е. **-iā-*), в склонении которого нет аблаута.

ным, в производных атематических проявляло тенденцию к формированию колумнального акцента.

Редактор 2-го издания книги Р.С.П. Бекеса М. де Ван настроен критически к некоторым положениям Эрлангенской школы. Так, на с. 183 [Beekes 2011] говорится: «Ни один из этих примеров не является убедительным доказательством изменений в праиндоевропейских флективных классах». В письме автору этих строк от 2.10.2012 он заметил, что, в частности, переход из протеродинамического в гистеродинамическое спряжение по сути нигде не засвидетельствован. С нашей точки зрения, если под внутренней деривацией подразумевать передвижение акцента (*δόλιχος* ‘долгий пробег’ – *δολιχός* ‘длинный’; *λεῦκος* ‘белый тополь’ – *λευκός* ‘белый’; *κῆρνα* ‘черная антилопа’ – *κῆρνά* ‘черный’), то такие словообразовательные модели восходят к праиндоевропейскому языковому состоянию. Производные имена не демонстрируют различий в акцентных парадигмах, т.к. ударение в них становится неподвижным.

Добавим еще несколько соображений. Окситонеза **māter* в древнеиндийском и древнегерманских языках может быть объяснена влиянием других имен родства: **ph₂-tér*, **d^hugH-tér*. Окончание же *-tur* известно только в древнеиндийском и может быть рассмотрено как инновация: в авестийском подобные имена имеют нормальные генитивные окончания: *dāta* ‘творец’ (вед. *dhātār*) – род. п. *dāθrō* (< *dātras* vs. вед. *dhātúr*). Вместе с тем именно в Авесте имена, соответствующие ведическим именам с неподвижной акцентуацией, демонстрируют генитив с нулевой ступенью флексии: *ātarš* ‘огонь’ – род. п. *ātarš* (наряду с *aθrō* < **atras*) [Tichy 1995]. Вообще, склонение имен на *-r* в авестийском довольно разнообразно: вед. *nár* ‘муж’ – *nāras*: авест. *nā* – род. п. *narš* и *nərəš* (< *nrs*). Большая же часть имен образует стандартный генитив *-ō* (< *-as#*): *dāθrō* (*dātā* ‘податель, установитель’), *starō* (*star-* ‘звезда’) [Reichelt 1909: 220]. Ср. и древнеперсидское *piça* (< **pitras*) от *pitā* ‘отец’ [Brandenstein, Mayrhofer 1964: 60]. Трудно сказать, возникла ли редукция гласного в иранских языках или она отражает архаизм – генитив **-s*¹⁸. Во всяком случае, очевидно, что в праиндоиранском существовало несколько моделей склонений имен на **-t^e/r^e*: баритонные (типа др.-инд. *dātār*), окситонные (*dātār*) и подвижные (**pātér*) с тремя типами генитивов: **-tor(o)s*, **-tér(o)s*, **-trós*. В результате их контаминации и появился новый вариант суффикса **tRs*. Он находился в оппозиции как к номинативу, так и к производным тематическим именам (*dātram*, *dātrám* ‘дар’).

Вообще, Эрлангенская реконструкция пока далека от завершения. Во-первых, существование акростатических имен остается недоказанным. К именам с аблаутом *o/e* традиционно относят греч. *δῶ* ‘дом’ > **dom#*/δεσπότης ‘хозяин’ > **dems-pot-* и ряд других примеров, где так называемый генитив представлен только в композитах. Но в той же позиции появляется вариант и с другими степенями вокализма, например микен. *dopota* (PY Tn 315) *δομο-ποτα* ‘владыке’ (дат. п.), репрезентирующий ступень *o* или *0* (**dom-s/dm-s*). Такие формы логичнее определить как атрибуты, а не генитивы. Что же касается имен с количественным чередованием гласных (*ē/ě*), то они вообще по большому счету не выявлены. Др.-инд. *rāṭ* (род. п. в композитах *samrājah*), лат. *rēx*, *rēgis* ‘царь’ имеют долготу во всей парадигме, как и греч. *μήν*, *μηνός* ‘месяц’ (см., например, [Ringe 2006] с попыткой реконструкции акростатического **mēHn-s/mēHn-s*¹⁹). Во-вторых, все протеродинамические имена подчиняются тем же закономерностям, что и простые кинетические. В слабых падежах ударение сдвигается вправо. Тот же грамматический способ используется при деривации. Конкретные имена (например, имена деятеля и прилагательные) образуются от абстрактных (имен действия) путем сдвига акцента на суффикс или флексию. Протеродинамические имена, как правило, образуются от имен со стабилизировавшимся ударением тем же способом: ср. др.-инд. *krátus*

¹⁸ В любом случае существенно, что однокоренные греч. *ἀνήρ* и арм. *ayr* демонстрирует мобильность, редко встречающуюся в многосложных именах: **h₂nēr* > *ἀνήρ*, *ayr*; **h₂nrós* > **ἀρός* > *ἀνδρός*, *arn*. По-видимому, иммобилизация ударения в имени **nār* произошла только в индоиранском праязыке.

¹⁹ Как Ринге различает кластеры **ēHC* и **eHC*, остается совершенно неясным.

‘сила’ (преобладает генитив *krátvas*²⁰) – *греч.* *κρατύς* ‘сильный’, ср. гот. *hardus* ‘то же’ (с протеродинамическими косвенными падежами). Бекес полагает, что именно гистеродинамические имена часто одушевлены и адъективны, тогда как протеродинамические имена чаще являются неодушевленными существительными. В действительности, как указывал еще Ф. Кёйпер [Kuiper 1942: 10–11], соотношение прямо противоположно. Достаточно сказать, что в качестве примера протеродинамического имени Бекес (с. 215) упоминает **méð^u* ‘мёд’. В действительности же от ведического *madhu* засвидетельствовано 67 генитивов *mádhvas* и только 13 – *mádhos*. Аналогично соотношение и форм в ведических именах, допускающих протеро- и гистеродинамические варианты: последние преобладают.

Но бесспорна связь передвижения акцента с грамматикой и семантикой. В различении классов имен заключается суть внутренней деривации: абстрактные vs. конкретные, одушевленные vs. неодушевленные, действие vs. деятель (подлежащий vs. воздвизанию, результат). Флексия и деривация, связанная с мобильным ударением, управляются законом правостороннего передвижения акцента: чем правее стоит ударение, тем более конкретное значение будет иметь словоформа. Она может выражать производность, подчиненность, принадлежность. Представляется, что в учебнике по индоевропейскому языкознанию необходимо не просто повторить стандартные положения Эрлангенской школы, но подчеркнуть и то общее, что объединяет различные парадигмы. Эти парадигмы традиционно называются акцентно-аблаутными. Но можно предложить понятие аблаутно-акцентной парадигмы, основанной на законе правостороннего передвижения акцента. Именно она интегрально описывает словоизменение атематических имен и ряд словообразовательных моделей.

Что же касается глагола, то все названные авторы придерживаются сходных же взглядов. По их мнению, в атематических глаголах существует две различные акцентные парадигмы: подвижная и неподвижная. При подвижной парадигме ударение стоит на основе в ед. ч. действительного залога (сильные формы) и передвигается на флексию в мн. ч. и среднем залоге (слабые формы). Вокализм основы и флексии соответствует их ударности / безударности. В неподвижной парадигме ударение стоит на основе, в сильных формах наличествует продленная ступень вокализма, а в слабых – полная. Эта классификация впервые появилась в работе [Narten 1968]; она подкреплена авторитетом словаря [LIV 1998; 2001]. Однако внимательный анализ материала показывает вторичность всех глаголов второго типа, приведенных в LIV, («протеродинамических», согласно Й. Нартен). Герценберг предполагает у этого типа глаголов особое значение, подобное англ. *Present Continuous* (с. 44). Первым высказался в этом духе Г. Риков [Rikov 1986], см. также работу [Kümmel 1998]: «нартеновский (протеродинамический) презенс» обозначал длительное действие.

Несмотря на определенное расхождение во взглядах, следует признать изложение системы глагола у Майер-Брюггера образцовым. В учебнике подчеркнуто, что глагол состоит из основы, модального суффикса (-0- в индикативе, -e-/o- в конъюнктиве, **ieh₁-* в опативе) и флексии. Глагольная словоформа, собственно, может относиться к одной из трех несводимых друг к другу основ – презентной, аористной, перфектной. При описании различных классов основ автор опирается на [LIV 2001], где речь идет о 22 классах презенса. При этом Майер-Брюггер высказывает несогласие с отдельными деталями. Например, глагол **g^hih₁yé-ti* ‘жить’, согласно автору, является не «презенсом на -u-» (класс E, согласно [LIV 2001]), а деноминативом, образованным от прилагательного **g^hih₁yós* ‘живой’. Добавим, что многие глаголы с суффиксом **-néu-/nu-* (класс L, V класс в санскрите) суть отыменные: др.-инд. *dhṛṣṇóti* ‘держат’ – *dhṛṣṇú* ‘дерзкий’ [Koch 1978; Schmidt-Brandt 1987]. Вообще, классификация [LIV 2001] отнюдь не бесспорна, но опираться на нее в учебнике можно. Со времени Бругмана и Дельбрюка это

²⁰ Очень важно различать изначально и вторично стабилизированное ударение. П. Видмер [Widmer 2004: 60] считает и.е. **kré₁tu-* акростатическим именем, противореча и тому определению, которое дают его единомышленники: в таких именах присутствовал генитив **-s*, а не **-e/s*.

первое развернутое описание всех типов индоевропейских глагольных основ. Можно лишь приветствовать и отказ от попыток определить соотношение между презентной, аористной и перфектной основами. В настоящее время этот вопрос до конца не решен. Попутно отметим одно спорное утверждение. Майер-Брюггер, ссылаясь на [Meiser 1998: 224], утверждает, что атематизм лат. *fert* – это результат синкопы. Аргументы самого Г. Майзера таковы. В сабелльских текстах известно только маррукинское *feret, ferenter* (Lex sacra); конъюнктив глагола *ferre* образуется так же, как у тематических глаголов: *ferat* (субъюнктив), *feret* (футурум) вместо **ferit*, подобного *sit* и *velit*²¹. Поэтому лат. *fert* и другие атематические формы не могут быть проецированы на праиндоевропейский уровень и быть сопоставлены с др.-инд. *bibharti*. Но от атематического *ēst* (< **ēd-t*) ‘он ест’ тоже не засвидетельствован конъюнктив **edim*, **edit*. Атематические формы от данного глагола известны в умбрском (*fertu* ‘ferto’, *fertuta* ‘ferunto’); здесь, правда, они могут быть результатом синкопы, более развитой в умбрском, чем в латыни. Наконец, в ведическом имеется и нередуцированное *bharti*, фонемно соответствующее лат. *fert*. Ср. гомеровское *φέρε* ‘несите’ (2 л. мн. ч. императива), которое также однозначно соответствует лат. *ferre*. Все это говорит о том, что атематическая и тематическая формы данного глагола пришли из праязыка. Тематические глаголы с полной ступенью вокализма относятся к поздним общеиндоевропейским формациям; корень **b^her-* наглядно демонстрирует пути их образования. Формирование тематического спряжения (как и склонения) – один из важнейших процессов индоевропейской морфологии, и ему стоит уделить особое внимание.

Бекес избрал более краткий способ описания глагольных основ. Его классификация такова. А. Корневые презенсы – атематические, тематические с полной и 0 ступенью вокализма. Особая группа – известные по преимуществу в хеттском презенсы со ступенью *o* корня: *mallai* ‘молоть’ (лит. *malti*, гот. *malan*), *sipandai* ‘возливать’ (греч. *σπένδω*). Они мало распространены в других индоевропейских языках и связаны общим происхождением с перфектом; Бекес считает их предтечей перфекта²². В. Редуцированный презенс. Сюда относятся как атематические (**dé-deh₃-* ‘давать’) и тематические (**si-sh₃e-* ‘сеять’) глаголы²³. С. Презенсы с суффиксом **-ei-/i-*. Это такие глаголы, как **ik-ei-* (др.-инд. *kséti* ‘жить’), **mn-ei-* (лит. *mini* ‘он вспоминает’, слав. *мьнитъ*, греч. *μαίνομαι* ‘безумствовать’, др.-инд. *mānyate* ‘он считает, полагает’). Последний случай не вызывает сомнения; здесь суффикс **-i-/i-* в презенсе чередуется с **-ē-* (**-eh₁-*) в аористе (лит. *minėti*, слав. *мьнѣти*, греч. *ἐμάνην*), т.е., в терминах [LIV 2001] – статив/фиентив (Бекес отмечает его, но рассматривает отдельно). Др.-инд. *kséti*, видоизмененное греч. *κτίζω* не дает такой ясной картины. Этимология этого глагола еще требует исследований. О балто-славянском типе *mini/minėti* см. [Jasanoff 1973]. Бекес далее указывает и на другие функции суффикса: каузативную, итеративную, деноминативную. Затем под рубрикой D следуют презенсы с суффиксом **-eh₁-*. Е – презенсы с суффиксом *-sk-*, требующие 0 степени корня и тематической флексии. Согласно Бекесу, первоначальное значение этого суффикса трудноопределимо: в латыни он образует инхоативные глаголы, в хеттском – итеративные, в тохарских языках – каузативные. Следовало бы упомянуть и армянский так называемый цойный аорист: *gorceac* ‘он сделал’ (< **uorge-sk-*), ср. также футурум II *beric* ‘< **b^her-isk-* ‘он принес’’. F – презенсы с сигматическим

²¹ У этих атематических и «полутематических» глаголов субъюнктив происходит из старого опатива, ср. ст.-лат. *sied* ‘пусть будет’ (Дуэнова надпись) = др.-инд. опатив *syāt*.

²² Дж. Джезанов [Jasanoff 2003] предположил существования особого атематического презенса со ступенью *o* в «сильных» формах (активный залог ед. ч.) и *e* – в «слабых». Такой аблаут, однако, засвидетельствован только в хеттском, где может рассматриваться как вторичное явление [Kloekhorst 2012]. Попутно заметим, что вопрос о первичности перфекта или презенса с корневым *o* представляется схоластическим. Древнейший презенс отличался от древнейшего перфекта, по-видимому, отнюдь не темпоральными, а диатезными характеристиками.

²³ Бекес (с. 255) характеризует этот глагол так: «became thematic». Но этот корень с редупликацией нигде не обнаруживает следов атематического склонения. Может быть, он, как и **pi-ph₃-e* ‘пить’ (др.-инд. *pibati*, лат. *bibere*) был изначально тематическим.

суффиксом. Он чаще образует аорист, но встречается и в презенсах типа др.-инд. *śróṣati* ‘слушать(ся)’ [с весьма важными параллелями: лит. *kláusti* ‘спрашивать’, *klausyti* ‘слушать’, *klūsti* ‘становиться послушным’; слав. *слышать*, *слушать*²⁴; др.-в.-нем. *hlosēn*, др.-ирл. *cloor* (1 л. ед. ч.), тох. А *klyos-*, В. *klyaus-* ‘слушать’]. Вместе с редупликацией этот суффикс образует дезидеративы²⁵. В особых рубриках упоминаются иные суффиксы (*-d^h-, *-k-) и назальные презенсы.

При изложении истории глагольных и именных флексий Майер-Брюггер исходит, на мой взгляд, из неудачного методологического принципа. Он приводит только реконструированные формы. Гораздо предпочтительнее тот путь, которым шли классические старые учебники – Мейе, Семереньи, Савченко: на основании парадигм нескольких сравниваемых языков (древнеиндийского, древнегреческого, латыни, готского, литовского, хеттского) показать студенту правила и результаты морфологической реконструкции. Этим достигается сразу несколько целей: во-первых, праиндоевропейское языковое состояние предстает не как абстракция, а как настоящая предтеча живых языков. Во-вторых, не теряется разнообразие морфем. В изложении Майер-Брюггера, к примеру, упущено окончание тематического генитива *-oso (< *-os-so), присутствующее в греческом, готском и древнепрусском²⁶.

Напротив, Бекес, приводя вначале таблицу реконструированных флексий, более подробно излагает происхождение падежных окончаний; его изложение в общем адекватно, но его можно и дополнить. Прежде всего отметим то, что отличает реконструкцию Бекеса от иных. Он предполагает два окончания номинатива атематических имен: *-s, что традиционно, и VR (где R – любой основообразующий сонорный). Иными словами, Бекес выступает против так называемого закона Семереньи, согласно которому присоединение -s# к сонорному приводит к отпадению -s# с последующим удлинением гласного перед сонорным [Szemerényi 1964: 395]. Первым эту связь отпадения с удлинением сформулировал В. Штрайтберг [Streitberg 1894], который объяснял удлинение редукцией заударного гласного (**māter-os* > **māter-s* > **mātēr*). В классической работе Н. Коллинджа [Collinge 1993: 181–182] закон Штрайтберга отнесен к основным законам, а закон Семереньи – к малым (minor laws): первый трактует фонетические процессы раннеиндоевропейского, второй предлагает скорее чисто морфологическое объяснение.

По мнению Бекеса, закону Семереньи противоречат такие явления, как существование акростатических генитивов типа **dems* (не переходящий в ***dēm*). На этот вопрос попытался ответить Й. Расмуссен [Rasmussen 2001: 240], отметивший, что акростатические генитивы сформировались после действия других аблаутных черт, в результате падения двухморных корневых гласных в безударной позиции: ***dēmós* > **dēms* и рецессии акцента согласно «общему автоматическому правилу (complete automatic rule)». Общая рецессия акцента действительно одно время действовала в праиндоевропейском (она затрагивала префиксы и редуцированные слоги), но произошла она в период, когда морфология была практически сформирована. Если же принять объяснение Расмуссена, то остается неясным, почему рецессия коснулась только акростатического склонения (даже если признать его существование). Но идея разновременных явлений аблаута и акцента, на мой взгляд, поистине замечательна и способна разъяснить сложности, возникающие с применением законов Штрайтберга и Семереньи.

²⁴ Отметим также слав. имя *сложь*. Его наличие доказывает, что сигматический суффикс был свойствен и именам, которые имеют общее происхождение с сигматическими глагольными формами.

²⁵ Суффикс дезидератива скорее следует восстанавливать как *-*hs-*. Это объясняет и удлинение гласного в корне, и позволяет возвести к дезидеративу латинские плюсквамперфект, футурум II и субъюнктивы системы перфекта (суффикс -*er-* < *-*hs-*). Подробнее см. [Erhart 1989: 37–40].

²⁶ Подобно тому, как *-*os-jo* представляет собой флексия номинатива + указательное *-*jo* [Knobloch 1951], *-*os-so* содержит демонстратив *-*so*. Он же присутствует в ц.-слав. *чесо*.

Кажущееся отступление от них проявляется и в спряжении атематических глаголов, чьи основы оканчиваются на сонорные. Почему в латыни **pater-s* переходит в *pater*, но в форме **b^hér-s* > *fers* ‘ты несешь’ конечный согласный не падает?²⁷ Вероятно, и здесь мы имеем дело с одновременными процессами. Происхождение окончания 2 л. *-s* полностью не прояснено. По-видимому, оно возникло в результате довольно сложных морфонологических процессов [Erhart 1989: 23–24], когда формирование падежной системы было завершено. Глагольные флексии дольше сохраняли свой агглютинативный характер: форма типа **bhér-mi*, **éi-mi* могла восприниматься как содержащая личное местоимение. Поэтому границы морфем в такой форме ощущались более отчетливо, что и препятствовало выпадению *-s#* после сонорного. И «акростатические генитивы», являющиеся, по-видимому, атрибутами, сформировались именно в это время. Тогда же сформировалось и окончание аккузатива множественного числа **-ns* (< **-m-s*), в котором тоже не произошло отпадение *-s*. Правильно поставленный Бекесом вопрос о правомочности законов Штрайтберга и Семереньи приводит к необходимости установления относительной хронологии действия этих законов.

Происхождение номинатива типа - VR# Бекес связывает с эргативной конструкцией предложения в праиндоевропейском. Это окончание, по его мнению, принадлежит абсолютному падежу, тогда как эргатив оканчивался на **-os*. Индоевропейский эргатив использовался в функции как падежа подлежащего (при переходном глаголе), так и генитива (об этом см. также [Knobloch 1951; Schmalstieg 1982]). Но, во-первых, проблема неноминативного строя индоевропейского праязыка за последние 40 лет обсуждалась очень подробно [Климов 1977; Schmalstieg 1980; Гамкрелидзе, Иванов 1984; Степанов 1989; Lehmann 2002], и следовало бы, пожалуй, кратко изложить аргументы сторонников этой идеи. Во-вторых, даже если признать эту далеко не полностью доказанную реконструкцию, остается непонятным, почему долгота гласного перед сонорным ауслаутом характеризует имена только мужского и женского, т.е. одушевленного рода. Ср. греч. *λύων* ‘развязывающий’ (причастие м. р., < *λυ-οντς*) – *λύον* ‘развязывающее’ (ср. р., < *λυ-οντ#*).

Для инструментала мн. ч. Бекес реконструирует окончание **-b^his*, для датива – **-mus*. Но это также вызывает возражения. Во-первых, не засвидетельствовано языков, где обе флексии были бы зафиксированы в одной парадигме. Основные языковые группы делятся на три зоны в зависимости от флексии этих падежей (**b^hi*-языки – греко-индо-иранские, ср. др.-инд. *pitṛbhis/pitṛbhyas*; авест. *dātərəbiš/dātərəbyo*; микен. *popi pod-φi(σ?)*; **b^ho*-языки – итало-кельтские, ср. лат. *patribus*, галл. *atrebo*, др.-ирл. *atrib*; **mo*-языки – германо-балто-славянские: гот. *wulfam*, лит. *žvėrimis/žvėrimis*, слав. *зв,рьму/зв,рьмь*). Во-вторых, не вполне ясна база реконструкции флексии **-mus*. Формы балто-славянского датива скорее ведут к праформе **-mos*. В-третьих, и это самое важное, форманты **b^h-* и **m-* известны не только в мн. ч.: ср. литовский инструменталь *žvėrimi*, слав. *звѣрьмь*. Особенно показательны гомеровские формы на *-φι*. Они могут выражать отдаление, цель, местонахождение, принадлежность, быть связанными с единственным и множественным числом: *βίηφι(ν)* ‘силой’, *ὄχεσφι(ν)* ‘повозками / на повозках’. Иными словами, у этих форм по сути еще нет выраженного значения числа; падежное же их значение неопределенно. Это классический пример наречий. Гомеровский язык здесь оказывается более архаичным, чем крито-микенский, где окончание *-pi* связано только с мн. ч. Вторичность формы **-bhis* по отношению **bhi*, как и лит. *-mis* по отношению к *-mi*, не вызывает сомнений. Вероятнее всего, формант *-s* заимствован из других флексий мн. ч. Ср. флексию аккузатива **-ns* (< ед. ч. **-m* + **-s*). Дж. Джезанов [Jasanoff 2009: 141–142] полагает, что это особый наречный суффикс, представленный в латыни, греческом, санскрите (*bis* < **dvis*, греч. *δῆς* ‘дважды’, вед. *bahih* ‘снаружи’)²⁸. Местоименное происхождение формантов **-b^hi*, **-mo-* не вызывает сомнений; ср. общеиндо-

²⁷ На это в свое время обратил мое внимание Ю.В. Откупщиков.

²⁸ Дальнейшее обсуждение этого вопроса завело бы слишком далеко. См. [Erhart 2006; Николаева 2008] о различных морфемах **-s*.

европейскую форму дательного падежа **tu-b^hei/tue-b^hei*: лат. *tibi*, слав. *тебѣ*, др.-инд. *túbhyaṃ*. Это подробно рассмотрено в цитированной статье Джезанова. Формант **-to* пришел из склонения указательных местоимений: общиндоевропейский датив **to(s)* *to-* в др.-инд. *tasmai*, гот. *þamma*, лит. *tám*, слав. *тому*. Местоименные формы проецируются в праязык. А их проникновение в именную парадигму произошло в период значительной диалектной раздробленности. Подытожим: у нас нет оснований проецировать особые флексии инструментalia и датива мн. ч. в общиндоевропейское праязыковое состояние. Вообще, можно считать установленным, что специальные формы множественного числа развивались позже, чем формы единственного числа [Тронский 1946]. Это доказывает и акцентуация (форма типа **pód-es* была бы невозможна в период действия силового ударения), и морфология. Мы уже упоминали о производности аккузатива; номинативная флексия **-es* явно происходит из ед. ч. В хеттском известны только окончания *-as*, *-es*, *-us* (последняя обслуживает аккузатив). Флексия **-om*, которая в большинстве языков относится к генитиву мн. ч., в хеттском характеризует и единственное число. Можно согласиться с тем, что формант **-bhi* содержится в нем. *bei*, англ. *by*, гот. *bi*²⁹. К этому стоит добавить, что происходит он, скорее всего, из древнего возвратного местоимения: лидийское *bilis* (ср. р.) ‘свой’, сопоставляемое и с греч. *φίλος* ‘друг’, у Гомера ‘родной, дорогой; свой’.

В разделе о глаголе Майер-Брюггер включает в реконструированную парадигму только медиальные окончания **-to/-to-i*, *-o* (3 л.), формант **-r(i)* упоминает чуть ниже, связывая его с категорией статива. Окончание **-toi/-oi* засвидетельствовано в греко-индоиранской группе языков, флексия же **-tor(i)/-ori* – в итало-кельтской, анатолийской, тохарской, а также во фригийском языке. Поэтому она должна быть внесена в таблицу реконструкций. Согласно автору, спряжение тематических глаголов отличаются от атематического только флексией 1 л. ед. ч. настоящего времени (**-ō/-oh₂* vs. *-mi*). Тем самым студент остается в неведении о сложной проблематике, связанной с древнегреческими и восточнобалтийскими тематическими флексиями, хотя этот вопрос был серьезно исследован 40–45 лет назад [Kuryłowicz 1964; Watkins 1969]³⁰. Эта проблематика излагается в учебнике Бекеса. Автор, однако, не углубляется в подробности, а лишь упоминает о тематический парадигме, восстанавливающейся так: 1 л. **-oH*, 2 л. **-eh₁i*³¹, 3 л. **-e*. «Первичные» тематические окончания засвидетельствованы в греческом и литовском, «вторичные» – в остальных языках. Медиальные окончания автор вслед за Стангом [Stang 1932] и Куриловичем [Kuryłowicz 1932] считает контaminationей активного **-t* + **-o*. Названные ученые выводили флексию **-o* из перфекта, Бекес – из окончания древнейшего медиа типа **kéi-o* > др.-инд. *śáye* ‘лежать’³². Мы же полагаем, что **-tó* развилось из **-t* в результате акцентного сдвига.

В учебнике Герценберга кратко изложены основные сведения из фонетики (только смычные согласные), в виде примеров с таблицами приводятся основные именные и глагольные окончания. После этого автор приводит басню Шляйхера в варианте М. Петерса (опубликована в [Birkhan 1985]) и ее «перевод» на древнеиндийский, древнегреческий (архаический вариант, близкий к микенскому), латинский, готский и церковнославянский (все переложения даны по работе [Zimmer, Jahnkuhn, Ködderitsch 2004]). Ко всем текстам дан подробный этимологический и грамматический комментарий. Та-

²⁹ В разделе, посвященном аналогии, Бекес приводит флексию **-bhis* как пример расширения из простого **-bhi* по аналогии с окончаниями множественного числа. Следовательно, речь идет о закономерности проецирования новой морфемы **-bhis* на праиндоевропейский уровень. На наш взгляд, для этого нет достаточного основания.

³⁰ В другом месте (с. 171) упоминается статья М. Кюммеля, посвященная греческой флексии *-ei*.

³¹ Ларингал в этой флексии восстанавливается по литовскому *-i* < **éi#*. Но исконный акут здесь мог появиться и под влиянием 1 л. Мы полагаем, что изначально 2 и 3 л. вообще не имели специального окончания; формант **-e* есть не что иное, как тематический гласный.

³² Впрочем, генетическая, морфологическая и семантическая близость этого типа медиа к перфекту никем не отрицалась.

ким образом, данный учебник (в отличие от Бекеса и Майер-Брюггера) не является настоящим введением, т.к. азы науки излагает недостаточно подробно. Но его можно использовать для работы со студентами, уже изучившими основные фонетические законы индоевропейских языков. Кроме того, у Герценберга, пожалуй, наиболее подробно информация о группах языков индоевропейской семьи: характеризуются ареалы распространения, основные письменные памятники, а также основные учебные пособия по отдельным группам.

Отметим важное новшество в учебнике Бекеса по сравнению с первым изданием: в нем после ряда разделов приводятся упражнения, написанные М. де Ваном, что можно только приветствовать. Басня Шляйхера – последнее упражнение; она дана в нотации самого Шляйхера, затем – один из 10 вариантов, предложенных Ф. Кортландтом для разных периодов праиндоевропейского. Кроме того, М. де Ван устранил раздел «Сравнительное языкознание и другие виды языкознания», главы, посвященные веллярным согласным и *п*-основам, перенес из вводной части в разделы «Фонология» и «Морфология». Вместо них редактором написаны разделы «Звонкие смычные в Авесте» и «Пассивный аорист в индоиранском». Небольшая глава посвящена индоевропейскому синтаксису.

Все три автора высказали свое мнение и о перспективах установления внешнего родства индоевропейской семьи. Бекес отвергает индоевропейско-афразийское родство, но считает возможным общность с уральской семьей, хотя отмечает, что научное сравнение далеко отстоящих языков находится в зачатке («in infancy», с. 32). Далее возможно присоединение и «индо-уральской» также юкагирского, чукотских и эскимосско-алеутских языков и реконструкция «евразийской» макрофамилии. Майер-Брюггер полагает, что дальнейшее родство индоевропейской семьи с какой-либо еще невозможно ни опровергнуть, ни доказать (с. 41). Герценберг оценивает все разыскания еще более скептически. Он считает, что индоевропейско-уральских схождений недостаточно для создания полноценной сравнительной грамматики, а прочие попытки именует резко, но небезосновательно: «Вполне фантастическими и ненаучными являются “ностратические” манипуляции» (с. 148).

В рецензируемых руководствах наблюдается тенденция к унификации материала. Отчасти это можно объяснить педагогическими установками: студенты должны сначала усвоить азы науки и только затем переходить к проблемам и дискуссиям. Действительно, никто не станет требовать, чтобы в школьном учебнике излагались неевклидовы геометрии. Но здесь мы подходим к принципиальным различиям естественных и гуманитарных наук. В естественных науках новые теории, как правило, не отменяют старые, а указывают на пределы их применимости. Так, евклидова геометрия сохраняет свою силу там, где искривлением пространства можно пренебречь. И даже теория плоской земли может использоваться как основа планиметрии – при величинах, сопоставимых с размером человеческого тела³³. В гуманитарных науках дело обстоит иначе. Объектом их изучения является деятельность человека – предмет, принципиально непредсказуемый и не поддающийся полной формализации (см. подробнее [Шапир 2006]). Поэтому в гуманитарных науках нередко нельзя предложить непротиворечивое решение задачи, охватывающее все ее аспекты. Это делает возможным сосуществование нескольких отрицающих друг друга научных теорий. И, возвращаясь к затронутому материалу, нужно признать: мы до сих пор не знаем точно, сколько рядов заднеязычных имелось в праиндоевропейском, был ли ларингал самостоятельной фонетической единицей или суперсегментным признаком слова, сколько типов акцентно-аблаутных парадигм имен имелось в раннеиндоевропейском языковом состоянии³⁴. Думается, что

³³ Разумеется, какие-то теории отвергаются наукой как противоречащие эмпирическим данным – теория четырех элементов или флогистона.

³⁴ Еще раз подчеркну: с моей точки зрения, все реально существовавшие акцентно-аблаутные парадигмы суть варианты единой аблаутно-акцентной парадигмы. Ее следы в глаголе описаны в [Красухин 2004], в имени – в [Красухин 2005].

студент с самого начала должен задаваться этими вопросами. Значит ли это, что обучение индоевропеистике надо начинать с полемики? Конечно, нет! Восхождение от простого к общему – закон дидактики. Необходимо только четко определить, что же элементарно для нашей науки. Очевидно, это – представление о языковом родстве, общее представление о фонетическом законе и самые основные, важнейшие фонетические соответствия между сравниваемыми языками. Сюда же следует отнести фонетические законы, никем не оспоренные за всю историю науки. После изложения этого материала можно переходить к дискуссионным вопросам: ларингалам, глоттальной теории, акцентологии, дилеммам морфологической реконструкции. Следует, пожалуй, отдельную лекцию посвятить структуре корня, которая в рецензируемых руководствах изложена очень кратко.

Добавлю, что чтение рецензируемых учебников, при всем моем несогласии с авторами по многим вопросам, доставляет порой истинное эстетическое удовольствие. Приведу прекрасные слова М. Майер-Брюггера: «Нет ничего более привлекательного и творческого, чем сравнительно-историческое языкознание, так думаю я и не только я. Но следует сразу сделать предупреждение. Путь к академическому признанию в языкознании труден и тернист. Кто стремится к этому, может выиграть или же проиграть. Тот, кто хочет иметь много денег на счету, должен идти другим путем» (с. 4). И рассказ о том, что требуется для овладения основами компаративистики, превращается в настоящий гимн этой сложной науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булич 1904 – С.К. Булич. История языкознания в России. М., 1904.
- Бурлак, Живлов, Иткин 2010 – С.А. Бурлак, И.Б. Иткин, М.А. Живлов. [Рец. на кн.:] J.E. Rasmussen, Th. Olander (eds). Internal reconstruction in Indo-European: methods, results, and problems. Copenhagen, 2009 // ВЯ. 2010. № 5.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I–II. Тбилиси, 1984.
- Георгиев 1932 – В.И. Георгиев. Индоевропейские гуттуралы. София, 1932.
- Герценберг 1981 – Л.Г. Герценберг. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.
- Герценберг 2010 – Л.Г. Герценберг. Краткое введение в индоевропеистику. СПб., 2010.
- Ернштедт 1953 – П.В. Ернштедт. Египетские заимствования в греческом языке. М.; Л., 1953.
- Климов 1977 – Г.А. Климов. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Клычков 1989 – Г.С. Клычков. Теории верификации в сравнительно-историческом языкознании // Теория и методология языкознания / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1989.
- Красухин 2004 – К.Г. Красухин. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М., 2004.
- Красухин 2005 – К.Г. Красухин. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М., 2005.
- Кретов 2009 – А.А. Кретов. Некоторые аспекты реконструкции индоевропейских гуттуральных // А.А. Кретов. Славянские этимологии. Воронеж, 2009.
- Курилович 1972 – Е. Курилович. [Рец. на кн.:] Э.А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970 // ВЯ. 1971. № 3.
- Макаев 1970 – Э.А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
- Николаева 2008 – Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика. М., 2008.
- Откупщиков 1988 – Ю.В. Откупщиков. Ряды индоевропейских гуттуральных // А.В. Десницкая (отв. ред.). Актуальные проблемы сравнительного языкознания. Л., 1989.
- Поливанов 1968 – Е.Д. Поливанов. Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса // Е.Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Сорокин 1993 – О.Н. Сорокин. Индоевропейские гуттуральные и их рефлексy в греческом и латинском языках. Томск, 1993.
- Степанов 1989 – Ю.С. Степанов. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Тронский 1946 – И.М. Тронский. Семантика множественного числа в древнегреческом и латыни // Ученые записки ЛГУ. 1946. Вып. 21 (Сер. историко-филологических наук).
- Тронский 1967 – И.М. Тронский. Общиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967.

- Трубачев 1984 – О.Н. Трубачев (гл. ред.). Этимологический словарь славянских языков. Вып. 10. М., 1984.
- Шапир 2006 – М.И. Шапир. Вместо послесловия: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Б.И. Ярхо. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М., 2006.
- Широков 1981 – О.С. Широков. Современные проблемы сравнительно-исторического языковедения. М., 1981.
- Широков 2003 – О.С. Широков. Языковедение: Введение в науку о языках. М., 2003.
- Якобсон 1985 – Р.О. Якобсон. Принципы исторической фонологии // Р.О. Якобсон. Избранные труды. М., 1985.
- Adrados, Bernabe, Mendoza 1995 – F.R. Adrados, A. Bernabe, J. Mendoza. Manual de lingüística indoeuropea: I. Prólogo. Introducción. Fonética. Madrid, 1995.
- Anttila 2003 – R. Anttila. The Indo-European words for «field» and «catch». Amsterdam; Philadelphia, 2003.
- Bammesberger 1990 – A. Bammesberger. Die Morphologie des urgermanischen Nomens. Heidelberg, 1990.
- Beekes 1985 – R.S.P. Beekes. The origins of Indo-European nominal inflection. Innsbruck, 1985.
- Beekes 2011 – R.S.P. Beekes. Comparative Indo-European linguistics. Berlin, 2011.
- Bell 1978 – A. Bell. Syllabic consonants // Universals of human languages. V. 2. Oxford, 1978.
- Birkhan 1985 – H. Birkhan. Etymologie des Deutschen. Bern, 1985.
- Borgstrøm 1954 – K. Borgstrøm. Internal reconstruction of Pre-Indo-European word forms // Word. V. 10. 1954.
- Brandenstein, Mayrhofer 1964 – W. Brandenstein, M. Mayrhofer. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
- Clackson, Olsen 2003 – J. Clackson, B.A. Olsen (eds). The Indo-European word-formation. Copenhagen, 2003.
- Collinge 1993 – N. Collinge. The laws of Indo-European. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Eichner 1973 – H. Eichner. Die Etymologie von hethitischen *mehur* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1973. Hft 31.
- Eckert 1983 – R. Eckert. Die Nominalstämme auf *-i-* im Baltischen unter besonderer Berücksichtigung des Slawischen. Berlin, 1983.
- Erhart 1956 – A. Erhart. Zum indogermanischen Wechsel *Media: Media aspirata* // Sbornik praci filosofiske fakulty Brnenske university. 1956. A 4 (veröff. in [Erhart 2006]).
- Erhart 1962 – A. Erhart. Zum indogermanischen Konsonantismus // Sbornik praci filosofiske fakulty Brnenske university. 1962. A 10 (veröff. in [Erhart 2006]).
- Erhart 1970 – A. Erhart. Studien zur indoeuropäischen Morphologie. Brno, 1970.
- Erhart 1989 – A. Erhart. Das indoeuropäische Verbalsystem. Brno, 1989.
- Erhart 1995 – A. Erhart. Das ewige *-s-*: Die indogermanische *s*-Morphe und ihre Substituenten // Sbornik praci filosofiske fakulty Brnenske university. 1995. A 43 (veröff. in [Erhart 2006]).
- Erhart 2006 – A. Erhart. Ausgewählte Abhandlungen zur indogermanischen vergleichenden Sprachwissenschaft / Hrsg. von B. Vykypěl. Hamburg, 2006.
- García Ramon 2002 – J.L. García Ramon (ed.). Bertold Delbrück y syntaxis hoy. Salamanca, 2002.
- Griepentrog 1995 – W. Griepentrog. Die Wurzelnomina im Germanischen und ihre Vorgeschichte. Innsbruck, 1995.
- Hettrich 2002 – H. Hettrich (Hrsg.). Die indogermanische vergleichende Syntax. Wiesbaden, 2002.
- Hirt 1927 – H. Hirt. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1927. Bd. II: Phonetik.
- Jananoff 1973 – J. Jananoff. The Germanic third weak class // Language. 1970. V. 49.
- Jananoff 2003 – J. Jananoff. Hittite and the Indo-European verb. Oxford, 2003.
- Jananoff 2009 – J. Jananoff. **-bhi*, **-bhis*, **-ōis*: following the trail of the PIE instrumental plural // J.E. Rasmussen, Th. Olander (eds). Internal reconstruction. Copenhagen, 2009.
- Klaproth 1823 – J. Klaproth. Asia polyglotta. Paris, 1823.
- Kloekhorst 2010 – A. Kloekhorst. Indo-European nominal ablaut patterns // Proceedings of the Workshop indogermanischer Akzentologie. Göttingen, 2010.
- Kloekhorst 2012 – A. Kloekhorst. Hittite «*ā/e*»-ablauting verbs // H.C. Melchert (ed.). The Indo-European verb: Proceedings of the Conference of the Society for Indo-European studies, Los Angeles, 13–15 September 2010. Wiesbaden, 2012.
- Kluge 1913 – F. Kluge. Urgermanisch: Vorgeschichte der altgermanischen Dialekten. Straßburg, 1913.
- Knobloch 1951 – J. Knobloch. Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genitivs des *o*-Stammes auf **-sjo* // Die Sprache. Bd. 2. 1951.

- Koch 1978 – *H. Koch*. The Greek factitive verbs in -ύνω // W. Dressler (ed.). Proceedings of the XIIth International Congress of linguists. Innsbruck, 1978.
- Koerner 1981 – *K. Koerner*. Observations on the sources, transmission and meaning of 'Indo-European' and related terms in the development of linguistics // *Indogermanische Forschungen*. Bd 86. 1981.
- Kortlandt 1975 – *F. Kortlandt*. Slavic accentology. Leyden, 1975.
- Kortlandt 1978 – *F. Kortlandt*. I-E palatovelars before resonant in Balto-Slavic // Recent development in historical phonology. The Hague, 1976.
- Kuiper 1942 – *F.B.J. Kuiper*. Notes on the Vedic noun inflexion // *Meddeelingen van Koninklijke Nederlandshe Akademie van Wetansschappen*. V. 5. 1942.
- Kümmel 1998 – *M. Kümmel*. Wurzelpräsent neben Wurzelarist im Indogermanischen // *Historische Sprachforschung*. Bd 111. 1998.
- Kuryłowicz 1932 – *J. Kuryłowicz*. Les desinences moyennes de l'indoeuropéen et du hittite // *Bullétin de la Société linguistique de Paris*. 1932. V. 33.
- Kuryłowicz 1964 – *J. Kuryłowicz*. The inflectional categories of Proto-Indo-European. Heidelberg, 1964.
- Lehmann 2002 – *W.P. Lehmann*. Pre-Indo-European. Washington Dc., 2002.
- Lindeman 1997 – *F.O. Lindeman*. Introduction to the «laryngeal theory». Innsbruck, 1997.
- LIV 1998 – *H. Rix* (Hrsg.). Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden 1998 (2. Aufl. – 2001).
- Lubotsky 1988 – *A. Lubotsky*. The system of nominal accentuation in Sanskrit and Proto-Indo-European. Leiden, 1988.
- Mańczak 1995 – *W. Mańczak*. Critique de la théorie des laryngales // W. Smoczyński (ed.). *Analecta Indoeuropaea Cracoviensia I. Safarewicz memoriae dicata*. Krakow, 1995.
- Meiser 1998 – *G. Meiser*. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt, 1998.
- Meier-Brügger 2010 – *M. Meier-Brügger*. Indogermanische Sprachwissenschaft. Berlin, 2010.
- Melchert 1994 – *H.C. Melchert*. The Anatolian historical phonology. Amsterdam, 1994.
- Narten 1968 – Zur proterodynamischen Präsens // *Pratidānam: Festschrift F.B.J. Kuiper*. The Hague, 1968.
- Pajares 1971 – *A. Pajares*. Aportaciones al estudio fonológico de las guturales indoeuropeas // *Emerita*. T. 39. 1971.
- Pedersen 1900 – *H. Pedersen*. Die Gutturale im Albanesischen // *Zeitschrift für vgl. Sprachforschung*. Bd 36. 1900.
- Pedersen 1926 – *H. Pedersen*. La cinquième déclinaison en latin. Copenhagen, 1926.
- Pisani 1950 – *V. Pisani*. Studi sulla fonetica dell' armeno // *Ricerche linguistiche*. 1950. V. 1.
- Rasmussen 2001 – *J.E. Rasmussen*. The growth of IE ablaut: Contrastive accent and Vṛddhi // Carlene Jones-Bley et al. (eds). Proceedings of the 11th Annual UCLA Indo-European conference. Washington, 2000.
- Rasmussen, Olander 2009 – *J.E. Rasmussen, Th. Olander* (eds). Internal reconstruction. Copenhagen, 2009.
- Reichelt 1909 – *H. Reichelt*. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.
- Ringe 2006 – *G. Ringe*. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. Oxford, 2006.
- Rikov 1986 – *G.T. Rikov*. The Indo-European ex-conjugation and origin of proterodynamic present // *Балканско езикознание*. T. 29. 1986.
- Safarewicz 1945 – *J. Safarewicz*. Pochodzenie trzech szeregów spółgłosek tylnojęzykowych w prąjęzyku indoeuropejskim // *Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności*, 1945. № 46.
- Schindler 1967 – *J. Schindler*. Zum hethitischen *nekuz* // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. Bd.81. 1967.
- Schindler 1972 – *J. Schindler*. L'apophonie des noms-racines indoeuropéens // *Bullétin de la Société linguistique de Paris*. 1972. V. 67.
- Schindler 1975 – *J. Schindler*. L'apophonie des thèmes indoeuropéens -r/-n // *Bullétin de la Société linguistique de Paris*. 1975. V. 70.
- Schmalstieg 1980 – *W.R. Schmalstieg*. Indo-European linguistics: A new synthesis. University Park, 1980.
- Schmalstieg 1982 – *W.R. Schmalstieg*. The genitive with verbs denoting 'to fill': Partitive or ergative? // *Baltistica*. XX (2). 1982.
- Schmitt-Brandt 1987 – *R. Schmitt-Brandt*. Aspekten im Indogermanischen? // *Journal of Indo-European Studies*. 1987. V. 15.

- Shapiro 1981 – *F. Shapiro*. On the origin of the term ‘Indo-Germanic’ // *Historiographia linguistica*. 1981. V. 8.
- Specht 1947 – *Fr. Specht*. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.
- Stang 1932 – *Chr. Stang*. Perfektum und Medium // *Norsk tidsskrift for sprogvidenskab*. 1932. Bd 6.
- Streitberg 1894 – *W. Streitberg*. Die Entstehung der Dehnstufe // *Indogermanische Forschungen*. 1894. Bd 3.
- Szemerényi 1962 – *O. Szemerényi*. Trends and tasks in comparative phonology. London, 1962.
- Szemerényi 1964 – *O. Szemerényi*. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent. Napoli, 1964.
- Tichy 1995 – *E. Tichy*. Die Nomina agentis auf *-tar* im Vedischen. Heidelberg, 1995.
- Tremblay 1996 – *X. Tremblay*. Un nouveau type apophonique des noms athématiques suffixaux de l’indoeuropéen // *Bulletin de la Société linguistique de Paris*. 1996. V. 91.
- Watkins 1969 – *C. Watkins*. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1969. Bd III: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion.
- Widmer 2004 – *P. Widmer*. Das Korn des weiten Feldes. Interne Derivation, Derivationskette und Flexionsklassenhierarchie: Aspekten der nominalen Wortbildung im Urindogermanischen. Innsbruck, 2004.
- Wodtko et al. 2008 – *D. Wodtko., B. Irslinger, C. Schneider*. Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg, 2008.
- Zimmer, Jankuhn, Ködderitsch 2004 – *S. Zimmer, H. Jankuhn, R. Ködderitsch*. Schleicher’s Tale: Six Post-IE versions // *Per aspera ad asteriskos: In honorem Jens E. Rasmussen*. Innsbruck, 2004.

Сведения об авторе:

Константин Геннадиевич Красухин
Институт языкознания РАН
krasukh@mail.ru

Статья поступила в редакцию 3.04.2012.